

Я говорю, что несчастная эта канцона имеет три части: первая служит вступлением; во второй я повествую о моей даме; в третьей я говорю, преисполненный сострадания, обращаясь к самой канцоне. Вторая часть начинается так: «На небе...», третья: «Рыдая, скорбная, иди, канцона!» Первая часть делится на три: в первом разделе я объясняю, что побудило меня высказаться; во втором я говорю, к кому я обращаюсь; в третьем открываю, о ком я хочу поведать. Затем, когда я произношу: «На небе...» – я говорю о ней в двух частях: сначала я показываю причину, по которой она была взята от нас; затем – как люди оплакивают ее уход; эта часть начинается так: «Покинуло...» Она делится на три: в первой я говорю о тех, кто о ней не плачет; во второй – о тех, кто плачет; в третьей открываю мое внутреннее состояние. Вторая начинается так: «Но тот изнемогает...»; третья: «Я изнемог от тяжких вздыханий...» Затем, когда я произношу: «Рыдая, скорбная, иди, канцона!» – я обращаюсь к самой канцоне, указывая ей тех дам, к которым я хочу, чтобы она пошла, чтобы остаться вместе с ними.

Сердечной скорби тайные рыданья
Глаза омыли. Жизнь свою казня,
Я слышу только горестные звуки.
И чтоб освободиться от страданья,
5 Что к смерти медленно влечет меня,
Пусть прозвучит мой голос, полный муки.
Лишь дамам благородным до разлуки
Я рассказал, как даме я служил.
О дамы благородные, я с вами
10 Не говорил словами
Иными, чем я в честь нее сложил.
Еще промолвлю с влажными глазами:
Рассталась дама с участью земною,
И ныне Бог любви скорбит со мною.
15 На небе слышны ликования звуки,
Где ангелов невозмутим покой.
И позабыли мы об утешенье.
Не холод был причиною разлуки,
Не пламя – как случилось бы с другой, –
20 Но таково ее благоволение.
Благовествуют кротость и смирение
Ее лучи, пронзив небес кристалл.
И, с удивленьем на нее взирая,
Ее в обитель рая
25 Владыка вечности к Себе призвал,
Любовью совершенною пылая,
Затем, что жизнь так недостойна эта,
Докучная, ее святого света.
Покинуло прекрасное светило
30 Наш мир, исчезла радость первых дней,
В достойном месте пребывает ныне.
В том сердце каменеет, в том застыло
Все доброе, кто, говоря о ней,
Не плачет в одиночества пустыне.
35 Не может сердце, чуждое святыне,
Хоть что-либо о ней вообразить,
Умильным даром слез не обладает.
Но тот изнемогает
В рыданьях, утончая жизни нить,
40 И утешенья в горести не знает,
Кто видел, как земным она явилась